

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № 175 [3'2022]

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

7

«ТОТ ЖЕ И ДРУГОЙ»: К 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА КОЖЕВА

Составитель Дмитрий Токарев

10

Дмитрий Токарев. От составителя

12

Николя Рамбер. Концепт воскресения в философии Кожева

26

Хагер Веслати. «Предположив, что истина есть женщина»: концептуальные персонажи Кожева и их роль в его системе знания (пер. с англ. Нины Ставрогиной)

40

Дмитрий Токарев. Фотографии (у) Александра Кожева: несколько размышлений

КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ
И ЗРИТЕЛЬСКИХ АУДИТОРИЙ

54

Ольга Аннанурова. От редактора

Журнал «Новое литературное обозрение»
входит в перечень рецензируемых научных
изданий Всероссийской аттестационной
комиссии и в коллекцию «Arts & Humanities»
международной базы данных «Web of Science»

ISSN 0869-6365

ООО Редакция журнала «Новое литературное обозрение», Москва 2022
При перепечатке материалов ссылка на ООО Редакция журнала
«Новое литературное обозрение» обязательна

«Тот же и Другой»: к 120-летию со дня рождения Александра Кожева

Дмитрий Токарев
От составителя

В 1979 году французский философ Венсан Декомб (Vincent Descombes) выпустил книгу с интригующим названием «То же и Другое: сорок пять лет из истории французской философии, 1933—1978» («Le Même et l'Autre. Quarante-cinq ans de philosophie française, 1933—1978»), первая глава которой посвящена Александру Кожеву. Год начала гегелевского семинара Кожева — 1933-й — является для Декомба точкой отсчета современной французской философии. Заглавие книги, которое в русском переводе передается как «Тожественное и иное», заставляет вспомнить (хотя Декомб прямо не говорит об этом) парадигматическую для французской культуры формулу Артюра Рембо «Я есть другой» («Je est un autre»), породившую множество интерпретаций. Ставя под сомнение границу между идентичностью и инаковостью, она тем не менее полностью ее не снимает. «Я» есть «я», «тот же», и одновременно «я» есть «другой».

Такая двойственность в полной мере характерна и для восприятия личности Кожева и его философского наследия. С одной стороны, имеется определенный консенсус: Кожев — радикальный интерпретатор «Феноменологии духа», философ конца Истории, один из отцов-основателей европейского Общего рынка. В остальном мнения расходятся: сталинист или все же белый русский эмигрант? «правый марксист» или «экс-Хайдеггер»? русский Фауст или «Артур Рембо современной бюрократии» (последнее определение принадлежит Борису Гройсу)? Возможно, впрочем, что «и то, и другое». Недаром Робер Маржолен (Robert Marjolain), начальник Кожева по Управлению внешнеэкономических связей Министерства экономики Франции, называл его «многогранным человеком» (по-французски *à multiples facettes*, где слово *facette* происходит от латинского *facies* 'лицо'), а знакомец философа, фотограф моды Евгений Рейс (Рубин; Eugène Rubin), так и не смог ответить на вопрос, вынесенный в заглавие его книги «Кожевников, кто Вы?».

Реймон Барр (Raymond Barre), премьер-министр Франции в конце 1970-х годов, подчеркивает в своем интервью французскому биографу Кожева Доминику Оффре (Dominique Auffret) «таинственную» (*mystérieux*) и «загадочную» (*énigmatique*) сторону личности философа. Некоторые интерпретаторы легко ассоциируют ее с пресловутой «славянской душой» (Иван Карамазов + Ставрогин + Зосима), которая несколько пугающе приобретает в начале XX века форму

упреждающей черной фигуры (американский биограф Кожева Джефф Лав (Jeff Love) так и назвал свою книгу — «Черный круг: жизнь Александра Кожева» («The black circle: A life of Alexandre Kojève»)).

Положим, речь здесь идет прежде всего о Кожеве-человеке. Но и его философское наследие оценивается неоднозначно. Шел ли Кожев к своей собственной *Системе Знания* (*Système du Savoir*) или же лишь «цитировал» Гегеля (так считает Гройс)? Оффре называет Кожева «прославленным незнакомцем» (*l'illustre inconnu*), а другой биограф, Марко Филони (Marco Filoni), — «неузнанным классиком» (*un classique méconnu*), хотя при этом наследие Кожева является, как это и демонстрирует Декомб, чрезвычайно востребованным как в современной философской, так и социальной, политической и даже юридической мысли.

Однако, как справедливо отмечает Хагер Веслати, «изучение и интерпретация избранных пассажей и одной сноски из «Введения» долго оставались важнейшей точкой входа в интеллектуальное наследие Кожева». Это «тот же самый», легко опознаваемый Кожев, который всегда остается философом конца Истории, даже если он просто занимается фотографией или рассуждает о романах Франсуазы Саган. Но есть и «другой» Кожев, которого, как пишет Веслати, «стало почти привычным философски осмыслять... при помощи тропов двойственности и непоследовательности, а биографически — через призму несовместимых личностей и несоизмеримых идеологий, причем все они в итоге возводятся к якобы чуждости и полной непознаваемости мыслителя».

Цель данной подборки не только отметить 120 лет со дня рождения философа, но и несколько сместить привычную перспективу. В трех статьях, в каждой по-своему, предлагаются иные «точки входа», нежели нескончаемый дискурс конца Истории. **Николя Рамбер** исследует, обращаясь к до сих пор не опубликованной рукописи 1940—1941 годов, адресованной Сталину и названной «Феноменология, опыт диалектического введения в философию, на основе феноменологии Гегеля, истолкованной в свете марксизма-ленинизма-сталинизма» (известна под условным названием «София: фило-софия и феноменология»), заочный спор Кожева с религиозной философией Владимира Соловьева, с одной стороны, и «философией общего дела» Николая Федорова — с другой. **Хагер Веслати** обращается к концептуальным фигурам философа, тирана и женщины и анализирует с точки зрения кожевской философии права, а также в постколониальной и феминистской перспективах несколько малоизученных пассажей из «Введения в чтение Гегеля». Наконец, **Дмитрий Токарев** строит свою работу как полемический разбор той интерпретации, которую дает фотографиям Кожева Гройс, однозначно трактующий их как реализацию постисторического сознания.

Такая множественная перспектива позволяет, как кажется, мыслить «многогранность» Кожева не как двойственность и непоследовательность, а как продуктивную матрицу смыслов. Почему бы не помыслить Кожева не как «тот же + другой», а как «тот же и другой»? В конце концов, ведь и формула Рембо свидетельствует о том, что «я» в ней не совпадает с теми своими содержаниями, которые ему приписываются, а вбирает их в себя как знак внутренней инаковости¹.

¹ Декомб отмечает, что для Кожева «различие, хоть оно и выступает в форме ничто (поскольку отличаться от чего-либо значит не быть как это что-то), составляет часть того, что есть» (Декомб В. Тожественное и иное: сорок пять лет из истории французской философии, 1933—1978 // Декомб В. Современная французская философия / Пер. с фр. М.М. Федоровой. М.: Весь мир, 2000. С. 40).

